

Виктор Голков

ПЫЛЬ

НАД ГОРОДОМ

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Новая классика (Э.РА)

Виктор Голков

Пыль над городом. Избранное

«Э.РА»

2016

УДК 821

ББК 84 (2Рос=Рус)64

Голков В. И.

Пыль над городом. Избранное / В. И. Голков — «Э.РА»,
2016 — (Новая классика (Э.РА))

ISBN 978-5-00039-205-8

Новая книга израильского поэта Виктора Голкова объединяет почти всё написанное им за последние 40 лет творческой работы. География стихов разнообразна – это Кишинёв, родина поэта, Москва, где прошли его студенческие годы, и наконец Тель-Авив, в окрестностях которого он поселился, фактически, превратившись в беженца после подзабытой уже приднестровской войны. В соответствии с этими перемещениями по карте планеты, менялась и тематика его стихов – от обширного раздела, посвящённого природе и литературным реминесценциям, Виктор Голков переходит к теме гражданской войны и её трагического воздействия на души и судьбы людей, к перестройке, которую он не приемлет, и наконец к эмиграции, в которой ему пришлось оказаться. Ощущения человека, вживающегося в реальность сложной и опасной страны, порой мучительны, ностальгия остра, но это переплетается с осознанием необходимости разделить судьбу своего народа, какой тяжёлой она бы иногда ни была. Философская составляющая книги позволяет ей преодолеть тривиальность часто свойственную реалистической лирике, делает её чем-то большим, чем простой рассказ об одной, отдельно взятой человеческой судьбе.

УДК 821

ББК 84 (2Рос=Рус)64

ISBN 978-5-00039-205-8

© Голков В. И., 2016

© Э.РА, 2016

Содержание

Об авторе	6
Стихи разных лет	7
«Пыль над городом – жёлтая маска...»	7
«Золотая метка...»	8
«Вдруг подумал – может эта...»	9
«Как всегда, необычайно странен...»	10
«Оторвали от Москвы...»	11
Подвал	17
Организм	19
Пята	20
Поздняя слава	21
Визит	22
Ботаник	23
Родство	24
Утро	25
«Случается так ночной порою...»	26
«Крыша мира, непонятная отрада...»	27
«Тенями еле обозначен...»	28
Склон	32
Суть	33
«Опять октябрь, прозрачная прохлада...»	35
Глагол	36
Стая	37
Август	39
Алушта	41
Мих.Зиву	43
Шаг к себе. 1970-1989	46
Осень	46
Поле	47
Ступени	48
Холод	49
Змеиная кожа	51
Роца	54
Иванушка	59
Откровение	60
Пропась	62
Монах	64
Судьба	66
Диоген	68
Раб	69
Старинные портреты	70
Игрок	71
Александр	72
Самоубийца	73
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Голков Виктор Игоревич

Пыль над городом. Избранное

Об авторе

Книги Виктора Голкова:

- “Шаг к себе”. Кишинёв: Литература артистикэ, 1989.
- “Правдивая история страны хламов” (с О. Минкиным). Минск, 1991.
- “У сердца на краю”. Кишинёв: Литература артистикэ, 1992.
- “По ту сторону судьбы”. Тель-Авив, 1996.
- “Парад теней”. Тель-Авив, 2001.
- “Перекрёсток ноль”. Книга стихотворений. Тель-Авив—Москва: Издательское содружество А. Богатых и Э. Ракитской (Э.РА), 2005.
- “Сошествие в Ханаан”. Избранные стихотворения 1970—2007. Иерусалим—Москва: Издательское содружество А. Богатых и Э. Ракитской (Э.РА), 2007. Серия ЛЕТА-А.
- “Прощай, Молдавия: стихи 12-ти поэтов” (предисловие и подборка стихотворений). Москва: Издательское содружество А. Богатых и Э. Ракитской, 2010.
- “Эвкалипт и акация”. Эванстон: ОКНО, 2010.
- “Тротиловый звон”. Э.РА: Москва-Тель-Авив, 2014.

Стихи разных лет

«Пыль над городом – жёлтая маска...»

Пыль над городом – жёлтая маска.
Помутнело в машине стекло.
Сочиняется страшная сказка,
быть в которой – моё ремесло.

Стал я ближе не к небу, а к Мекке,
к иудейской отраве приник.
Человеки кругом, человеки,
да песок – вперемешку и встык.

Он когда-то торчал монолитом,
перерезать пространство хотел.
Всё равно: быть живым, быть убитым,
лишь бы он на зубах не хрустел.

«Золотая метка...»

Золотая метка –
Одинокий лист.
До утра над веткой
Слышен ветра свист.

Скоро заискрится
Чёрная вода.
Здесь не станет птица
Вить себе гнезда.

А чтоб ветер жгучий
Не унёс тайком,
Он на землю лучше
Упадёт ничком.

«Наутро белый саван сшили...»

Наутро белый саван сшили
Туманной осени. Как в шторм,
Сугробы-волны заходили,
И птичий затерялся корм.

В нас остаётся мысль о лете.
И только. Замерзает взгляд
На ветках, что в неверном свете,
Белесом, неподвижно спят.

«Вдруг подумал – может эта...»

Вдруг подумал – может эта
И была мне суждена?
Ту любовь, которой нету,
Перестала ждать жена.

Только жизнь ведь не уловка,
Не увёртка, не приём.
И скользнула, как воровка,
Мысль в забвения проём.

«Как всегда, необычайно странен...»

Как всегда, необычайно странен,
Вечер, расплескавшийся в тумане.

Как обычно, свыше всяких мер,
Спящий город тих, безлик и сер.

Только крылья настоящей птицы синей,
Голубее не бывает и невинней,

Над пустой столовой, на углу,
Машут мне сквозь уличную мглу.

«Оторвали от Москвы...»

Оторвали от Москвы
И великого Ростова,
И упало наземь слово,
Как корона с головы.

На другом краю земли
Пользую святое право,
Бросив мёртвую державу,
Лазить по уши в пыли.

«Мы шли по прозрачному лесу...»

Мы шли по прозрачному лесу,
Болтая о том и о сём,
Не чувствуя страшного веса,
Который сейчас мы несём.

А может в году достославном
Брели по дороге пустой,
Мечтая о чём-нибудь главном,
Какой-нибудь цели святой.

И вовсе не выглядел старым
Тот город, где крыши внахлест.
И тени скользят над бульваром,
Касаясь верхушками звёзд.

«Снова смотришь взглядом...»

Снова смотришь взглядом
ностальгическим...
Знаешь, я тебя не выбирал.
Стала ты явлением логическим,
Даже если где-то я приврал.

Тронутая тенью увядания,
На исходе лета ты мила.
И струится холод опоздания
Возле нас, сидящих у стола.

Шепчешь мне свои слова горячие,
Принимаю этот нежный вздор.
Любят так одни только незрячие,
В комнате с исходом в коридор.

«Я мог бы родиться арабом из Газы...»

Я мог бы родиться арабом из Газы,
Бормочущим суры протяжно
В каморке, где нет ни ковра, и ни вазы,
Нет радио, впрочем, не важно.

Но я появился в Советском Союзе,
Кряхтящем под властью народа,
Мусолящем красную тряпку иллюзий
Бог знает с которого года.

И вот наконец-то в Израиле тесном
Я втиснут в железную рамку.
Манером, до тонкости в общем известным,
Я должен тянуть свою лямку.

Зачем же лукавить, какого, мол, чёрта,
Я не был китайцем и греком.
Не ел натошак шоколадного торта
В стране, истекающей млеком?

«Эта древняя повесть звенит, как металл...»

Эта древняя повесть звенит, как металл.
Лёд декабрьский был тонок...
Белым лебедем, кажется, так и не стал
Гадкий серый утёнок.

Значит, кожа свиная рябит сквозь узор,
ночь опять распростёрлась.
Хоть на пёстрой обивке как будто с тех пор
Позолота не стёрлась.

Что за дело – несчастную клячу хлестать
И корячиться в спешке?
Потесниться пора б, чтобы вовремя внять
Старой датской насмешке.

Снова пьяную песню горланит мужлан,

Где-то рядом, как прежде.
Значит прав был, воистину, Ганс-Христиан –
нету прока в надежде.

«Нельзя утверждать, что меня далеко унесло...»

Нельзя утверждать, что меня далеко унесло:
Уключины целы, волной не разбито весло.

И ветром солёным ещё не продуло насквозь,
Как если бы море всерьёз за меня не бралось.

За что-то жалея, меня утопить не хотело
И так притворялось, как только оно и умело.

Неужто и солнце хоронится этой водой?
Я видел, как пеной туман становился седой.

И в фосфоре море от всех затонувших сокровищ.
Я чувствовал шорох по дну проползавших чудовищ.

Мог дикие бредни единственно так отвести –
Я понял – от смерти одно остаётся – грести.

Безумие страха, я вырву проклятое жало!
От соли рубаха к склонённой спине прилипала.

Спасусь, я уверен, там берег маячит вдали.
Мне хватит, конечно, клочка задубевшей земли.

«Деревья листья скинули...»

Деревья листья скинули –
Со всех убор слетел...
Как будто сердце вынули
Из деревянных тел.

И вот они колонною
Стоят в одном строю,
Как будто осуждённые,
У жизни на краю.

Не стонут и не мечутся –
Хоть в ров, хоть на костёр.
Ты помнишь, человечество,

про братьев и сестёр?

«В сторону, в сторону от их столбовой дороги...»

В сторону, в сторону от их столбовой дороги.
В чашу глухую и сонную путешествие длится моё.
Туда, где под снегом прячутся медвежьи берлоги,
И где над верхушками кружится голодное воронье.

Вижу, как ветками гнутыми прорастать начинает кожа,
Слышу, как замедляется ток кровяных телец.
И ноги корнями становятся у моего подножья,
И непонятно – это начало или конец.

Итак, прощайте. Пурга меня замечает по плечи,
Хоть подземные воды теплятся, силы мои храня.
Отныне дерево я, и ничто человеческое
Больше меня не обманет, просачиваясь сквозь меня.

Буду стоять без усталости, землю пронзив корнями,
И в непогоду лютую не задрожу на ветру.
И не склоню я голову, если даже забьют камнями,
Или начнут соскабливать живую кору.

«Дерево – извилистые ветки...»

Дерево – извилистые ветки,
Твёрдый ствол, застывшая кора.
Неподвижность и живые клетки,
На ветвях распяты ветра.

Заслонило солнца свет собою.
Рук моих кора не холодит.
Тихой жизни, скрытой скорлупою
Мёртвой кожи, – взгляд не разглядит.

И кипит, ничьим не видим глазом,
Жёлтый сок в артериях ствола,
И понятие обретает разум
О судьбе, что вглубь себя ушла.

Кем я был? О чём я прежде ведал,
На какой земле, в какой стране?
Почему молчание я предал,
Без меня живущее во мне?

«Обуглившиеся от бедствий...»

Обуглившиеся от бедствий,
Под ветром с четырёх сторон,
Деревья сонные, как в детстве,
Свой видят тридевятый сон.

Глуха броня, но как из глины,
Внутри их тёмные тела.
И изморозь до сердцевины,
Остановившись, не дошла.

Дышать ветвями, коченея
От холода. Вздвигаться, петь.
Весёлым пламенем гореть,
случайного бродягу грея.

«Жизнь – безумная задача...»

Жизнь – безумная задача,
Но она проста.
Разве что-нибудь я значу,
Бхагавад – гита?

В этих джунглях непролазных
Как концы свести?
Тишине твоих согласных
говорю : прости.

Ни любовному ненастью!
Горю, мятежу.
Ни сияющему счастью
Не принадлежу.

«Если ты на излёте...»

Если ты на излёте,
То уже ни к чему
Откровения плоти
Ни душе, ни уму.

Шестьдесят ведь, ребята.
Значит рядом порог,
За которым расплата,
Завершение, бог.

Финиш – белая лента
Над зелёной травой,
Где рывок президента
Не быстрее, чем твой.

Подвал

Потом окно заколотили досками,
Чтоб свет дневной в него не проходил.
И помню : сыпал шуточками плоскими,
За нашей дверью кто-то всё шутил.

И оказались мы в кромешной темени,
Когда, забив последний гвоздь, ушёл
Наш сторож . Вне свободы и вне времени,
Мы слушали, как капало на пол.

И я дышал в подвале массой спёртою,
Отечеством облезлый угол звал.
Про то же, что последнего был сорта я,
Так сделали, чтоб я не забывал.

Когда одна, необычайно белая,
Прошла темень света полоса.
И тот, кто жил, свои делишки делая,
ладонями закрыл себе глаза.

А свежий ветер ветками
похрустывал,
Искрились капли, в каждой – по лучу.
Того, что я увидел и почувствовал,
Забуть я не могу и не хочу.

«Эй ты, время моё глухонемое...»

Эй ты, время моё глухонемое,
Обведённое железною каймою...

Отодвинулся твой занавес дырявый,
Испарился герб твоей державы...

Ну а герб тот – тяжелая дубина
Да на кровь похожая рябина.

«Надёжный как дубовый пень...»

Надёжный как дубовый пень,

Без дыр и червоточин,
Благодарю тебя, мой день,
За то, что ты так прочен.

Ещё благодарю всегда
Тебя за то, что сразу
Рывком уходишь, как вода
От бака к унитазу.

За весь тот хлам и дребедень,
Что каждый день я вижу.
Благодарю тебя, мой день,
За то, что ночь мне ближе.

«Падают годы, как сосны...»

Падают годы, как сосны,
в чёрной реки глухомань.
Круглые, гулкие вёсны,
крики и сплавщиков брань.

Хмурые, мутные воды,
брызгами руки сечёт.
Длинные, трудные годы
сносит течение, как плот.

Пусть я следов не оставил
в этой крутящейся мгле,
хоть я лишь плыл, а не правил,
всё же я жил на земле.

Счастья и скорби не смоет
времени злая вода.
Кто –нибудь лучше построит,
если уйду без следа.

Организм

Мой организм, моя страна,
где тёмные блуждают силы,
гудит мотор и выются жилы,
и сердца тенькает струна.

Моя страна, мой организм,
хрипящий глухо, как пластинка,
кто заведёт твой механизм,
когда сломается пружинка?

Никто. И если есть предел,
тебе положенный судьбою,
и если вдруг водораздел
пролёт меж всеми и тобою,

хоть сотню ангелов зови
с таблетками и кислородом.
Как кесарь, поплывёшь в крови,
Низложен собственным народом.

Пята

Было видно, как пята приподнималась,
обрывая то травинки, то листья.
И дотоле неподвижное вздымалось,
уцелевшее под тяжестью пяты.

Под давлением её большого пресса –
Кривобокая, больная пестрота.
И рассеивалась, нехотя, завеса,
та, какой себя окутала пята.

Стало ясно, что был сломан, кто не гнётся,
А кто цел остался – сделался горбат.
И боялись все: а вдруг она вернётся,
вдруг со временем опустится назад.

«Я был честолюбив, как самозванец...»

Я был честолюбив, как самозванец,
Царём считавшийся у бесноватых сотен.
И был заносчивым почти как оборванец,
Тот, что « Я – римлянин !» кричал из
подворотен.

Хоть было кое-что во мне от музыканта –
Я мысли, так же как и он, читал по нотам,
Но не хватило самой малости таланта,
Чтобы заполнить им пробелы и длинноты.

Переродилось безотчётное влечение
В меланхоличную, ворчливую усталость.
А то высокое, как в книгах, назначенье –
Оно, мне кажется, и вовсе не рождалось.

Поздняя слава

Метался то влево, то вправо,
кругами петлял его след.
Когда неожиданно слава
явилась на старости лет.

Не тощая, но и не в теле,
отменно была сложена.
Как статуя, возле постели
измятой – стояла она.

Шагами он комнату мерил,
своё небольшое жильё,
но внутренне, в общем, не верил
в явление прихода её.

Будильник задумчиво тикал,
светился таинственный лик.
И всё саркастически хмыкал
да ёжился зябка старик.

Визит

В комнате сильно запахло серой.
Я предложил ему присесть,
тому, кого все считают химерой,
но кто, тем не менее, есть.

Царапнули острые когти паркет.
Он кашлянул: пардон, виноват.
И стал говорить, что поэзии нет
Который уж год подряд.

И чтобы прочесть всё, свернёшь себе скулы,
такая вокруг пустота.
Канатоподобно у ножки стула
Чернел полукруг хвоста.

"Вот если бы нечто вполне простое,
но так, чтобы всё вверх дном" –
проблеял он. Рот под его бородою,
мелькая, ходил ходуном.

Я устал его слушать, мне стало скверно,
процедил я сквозь зубы "Вон".
И чтоб выветрился из комнаты запах серный,
открыл дверь на балкон.

Ботаник

А правды всё же не хватает,
наверно, что – нибудь не так.
И пышным цветом расцветает,
тряся колючками, сорняк.

Вот драгоценная находка –
два-три засохших деревца.
Да мысль, которая как лодка,
кружится, потеряв гребца.

Родство

Омут времени, первые люди,
на останках становищ – холмы.
Много каменных ваших орудий
под землёй обнаружили мы.

И в пещерах, где вы зимовали
у мороза и ночи в плену,
мы увидели как рисовали
вы охоту, любовь и войну.

И, конечно, безмерно много
пролегло между нами всего:
вы ещё не поверили в бога,
мы не верим уже в него.

Но не знаю я, так ли важно –
капля пули, копьё древко.
Снова птицы кричат протяжно,
снова дышится мне легко.

Как хребет, протянулась льдина,
Мутно – сер снеговой покров.
И слились во мне воедино
ледокола и мамонта рёв.

«Живое к живому – такой закон...»

Живое к живому – такой закон,
теснее, ещё тесней.
Так любят друг друга она и он,
друг друга находят он с ней.

Не разум, не воля и не мечта,
так клетки мои хотят.
И к мыслям подкрадывается красота
и топит их всех, как котят.

Я знаю – уже не родит она,
бесплодный порыв жесток,
но мне эта древняя ложь нужна,
как ржавой воды глоток.

Утро

Повисло утро над травой,
ещё сырой после дождя.
Мимо меня проходят двое,
о чём-то разговор ведя.

Оттенок матово-молочный
как бы растёт из-под земли,
и с хрустом протыкают почву
при каждом шаге костыли.

Два незнакомых человека,
неторопливый говорок.
И улыбается калека,
качая парой мёртвых ног.

Кто он такой, откуда родом,
кто знает счёт его годам?
Я, оглянувшись мимоходом,
ему вопроса не задам.

Я думаю про то, что это
Не так уж мало – знать, что жив.
Холодный оползень рассвета
сползает, небо обнажив.

«Случается так ночной порою...»

Случается так ночной порою,
Что ждёшь и не можешь дожидаться сна.
В моей просторной квартире трое –
Я, мой сын и моя жена.

Да еле слышно тяжёлой тканью
Шуршащие ленты оконных гардин.
И я прислушиваюсь к живому дыханию,
Чтобы убедиться, что я не один.

Я не один- Не в снегу, не в яме,
Зарытый заживо среди бела дня.
И чувствую нервами, мозгом, костями,
Как чисто и нежно хрустит простыня.

А тени бледнеют, перемещаясь
По подоконнику, дальше к стене.
И страх, как видно в меня не вмещаясь,
Готов, как снаряд, разорваться во мне.

Уже светает, сейчас проснутся
Огни, любой словно сто свечей.
Но не хотелось бы вновь столкнуться
с прелестями бессонных ночей.

«Крыша мира, непонятная отрада...»

Крыша мира, непонятная отрада –
Жить невдалеке от сумрачного ада.

Но невесть зачем блаженствует идущий –
Смят ковёр земли и полог тьмы опущен.

Будет он согрет, хоть и пришёл непрошен,
В этот мир на свет блестящих звёзд-горошин.

Удовлетворив туманное влечение,
Превратится сам в движенье и свечение.

«Тенями еле обозначен...»

Тенями еле обозначен
Напыщенной листвы портрет.
И перистым очерчен плачем
Растаявших пастушек след.

Познавшая все муки родов,
Из мёртвых вставшая весна,
Как чаша, золотистым мёдом
До глиняных краёв полна.

И отмечая воскресенье
Недолгое – на пять минут.
Опять для сильных ощущений
Туристы папоротник жгут.

«Наитие – проблеск весёлый ...»

Наитие – проблеск весёлый –
Как будто костёр на снегу.
Но скользкое слово «крамола»
Засело в каком-то мозгу.

И по столу властно и грубо
Ударила чья-то ладонь.
И вытянув «в трубочку» губы,
Задули весёлый огонь.

Всё. Искрам уже не подняться,
Сиреневый сгинул дымок.
Но долго не мог рассосаться
Под сердцем тяжёлый комок.

«Поздней осенью даль яснее...»

Поздней осенью даль яснее
И прозрачнее, чем стекло.
Вижу : ворон повис, чернея,
Изогнув над землёй крыло.

Сколько шири и сколько мощи

И неся вековой дозор,
Поднялась золотая роща
Между двух голубых озёр.

И прошедших времён наследье,
У подножья холма – кресты.
И как будто облиты медью,
Вдоль дороги летят листы.

Эта жизнь – всё огни да тракты,
Да бегущей машины сталь.
Пеленой на глаза мне ляг ты,
Голубая степная даль.

Мягче тёплой земной ковриги
Твой бездомный, большой покой.
В этой древней счастливой книге
Я хочу быть одной строкой.

«Душа ты моя кочевая...»

Душа ты моя кочевая,
смешное богатство моё.
О тех, в ком жила, забывая,
Не раз ты меняла жильё.

В степи, где крутилась позёмка,
В песках, где гулял суховей,
Стучалась тревожно и громко
О стены времянки своей.

И что-то в лице отражалось,
И твой открывался тайник.
И вся твоя суть обнажалась
На час, на секунду, на миг.

Как будто шепча : Отпустите...
На склоне какого-то дня.
О сколько свершилось событий,
Пока ты вселилась в меня !

Не лист я, не ветка, лишь почка
Ствола, чья безмерна длина.
Вселенскую эту цепочку
Порвать моя смерть не вольна.

Ещё на далёком просторе

Холодный я воздух глотну.
На небо, на осень, на море
Чужими глазами взгляну.

«А дорога ползёт, непрерывно пыля...»

А дорога ползёт, непрерывно пыля,
Всё подъём – то крутой, то пологий.
И застыли, построившись в ряд, тополя –
Часовые у этой дороги.

И знакомо мне всё здесь, куда ни взгляни, –
Тополя и холмы, и дорога...
В эту землю моей безымянной родни
За три века закопано много.

Эта бурая почва – тела и сердца,
Жизнь которых в себе ощущаем.
Потому-то и нет у дороги конца,
Потому и наш путь нескончаем.

«И бунт горлопана и стадное чувство толпы...»

И бунт горлопана и стадное чувство толпы,
И голос гниющего в камере для одиночек,
И данные обществу в оздоровленье столпы
Теряются в складках измявшихся за ночь сорочек.

Каким беззащитным родится на свет человек –
Кричащим от страха, бездумно счастливым и голым...
А жизнь – шевеленье изломанных временем рек,
Знакомые комнаты, тонких насмешек уколы.

А старый фонарщик свой чистит усталый фонарь,
и тот не горит. Наливаются кровью зарницы.
И старый поэт всё никак не закончит страницы,
И старую песенку снова заводит, как встарь.

«Опасность смертельная где-нибудь рядом...»

Опасность смертельная где-нибудь рядом.
Иду не спеша, чтоб нога не смогла

Скользнуть. Поневоле я меряю взглядом
Пространство под верхней площадкой котла.

Тяжёлые, жёсткие формы машины,
И трубы, как рёбра, торчат тут и там.
Мой страх человеческий или мышиный,
Я сердца на откуп тебе не отдам.

И коль ненароком сорвусь в эту бездну,
Скользну по крутому её виражу,
Мне кажется, я до конца не исчезну,
Хоть тело своё о металл размозжу.

Туман по стальному ползёт коридору,
Огонь электрической сварки погас.
И под ноги смотрит рабочий, который
Сколачивал этот каркас.

Склон

Сухо, безветренно, маленький склон,
Рыхлый, песчаный, пологий...
Справа и слева – с обеих сторон!
Нитка железной дороги.

Чахлый репейник прижался к земле,
Словно от тяжкого груза.
Может в мазуте, а может- в золе
Жёлтый клочок – кукуруза.

Грязный початок, который не рвут,
Мимо идя, работяги,
Чувствует, как самосвалы ревут,
Дым выпуская в овраги.

Как в гусеничном величье своём,
Словно в броне император,
Вслед за собой оставляя проём,
Землю скоблит экскаватор.

И различает фасеточный глаз
В тёмно-зелёной оправе
Конус трубы, что стремглав поднялась,
Небо насквозь пробуравив.

Здесь до зимы не дано простоять
Тихо живущим и сонно –
Чёрной лопаты торчит рукоять
Между лопатками склона.

Суть

Жизнь вокруг без меры и без края..
Как постигнуть эту глубину?
Суть моя, которой я не знаю,
Может быть, похожа на волну.

Как волна, едина, единична,
Безымянна – скроется вот-вот.
Как волне, ей так же безразлично,
В чьей душе сейчас она живёт.

И летит, собой пространство мера,
В тишине, во мраке, без огня.
Я не знаю, почему я верю,
Что она вмещается в меня.

Может, только слившись с тем простором,
Что лежит за гранью бытия,
Я пойму наречье, на котором
Говорит со мной судьба моя.

«Утра тяжёлая мякоть...»

Утра тяжёлая мякоть,
Сны разбежались, как псы.
Улицу в эти часы
Плёнкой оклеила слякоть.

Осень, последние дни.
Ветки распухли как вены,
Лишь зеленеют блаженно
Тонкие ели одни.

На расстоянье руки
Зданий рассыпалась гряда.
С разных сторон, отовсюду,
Окон ползут светляки.

Странный парад ноября –
Дней молчаливых армада.
И слюдяную громаду
Неба – пробила заря.

«И всплески и вспышки со всех сторон...»

И всплески и вспышки со всех сторон,
И плач переходит в смех.
Кровавая роза и ржавый патрон,
И жизнь, что одна для всех.

Распасться на части, ресеяться в пыль...
Закон всеединый- вот.
Зачем же так сладко шумит ковыль,
И птица зачем поёт?

Пусть горстью холодных, скупых огней
Осыпался твой расцвет,
Но тех мимолётных и жарких дней
Трудней и счастливей нет.

«Опять октябрь, прозрачная прохлада...»

Опять октябрь, прозрачная прохлада,
С высоких крон сползает их убор.
Знакомо всё – на расстоянье взгляда
Всё те же площадь, статуя, забор,
И надо мной – акации громада.
Две женщины вступили в разговор,
И друг о дружку бьются струйки пара.
Теснится очередь, как длинная отара,
Её окутать хочет синий флёр,
Но всё высвечивает солнечная фара.
Да так уж водится – горит большой костёр,
И мчится улица, пространство рассекая,
А рядом где-нибудь ручей несёт, стекая,
Обрывки ветоши, золу, бумажный сор.
И ночь бессонная болит, не иссякая.

«Короткий обморок весенний...»

Короткий обморок весенний,
Природы пёстрый трафарет.
И над осколками растений
Нависший, сумеречный свет.

Качает тёмная речушка
Зелёной водоросли ус.
И как разбитая игрушка!
Вагонный остов – мёртвый груз.

Полузнакомое, чужое,
живущее в ином кругу.
Конечно так, но хорошо я
Себя здесь чувствовать могу.

Когда иду, не поднимая
Глаз от земли, в какой-то миг
Мне кажется, я понимаю
Гранита каменный язык.

Глагол

Часть речи скромная – глагол,
Её простой чернорабочий.
Несёт безропотно, как вол,
Своё ярмо с утра до ночи.

Кто знает, сколько тысяч лет
Прошло с тех пор, как он впервые
Заставил двигаться предмет,
Как тучу – вихри штормовые?

И ухо сноба обожгло
Значение, светло и голо.
И прилагательное зло
Косилось в сторону глагола.

А он, слагая и верша,
Корпел, не разгибая спину.
Лишь окрылённая душа
Неслась, как по течению льдина.

Стая

Цедятся дни тяжело и тягуче,
Ночи длинней и длинней.
Всё же не знаю, что может быть лучше
Этих насупленных дней.

Снова готовятся птицы к отлёту –
Поздняя осень близка.
Вдруг рассекла тишину и дремоту
Дикая песнь вожака.

И поднялось всё в порыве едином,
Крыльев разносится стук.
В дальние дали рассыпчатым клином
Двигается стая на юг.

Снизу, с земли провожаю их взглядом,
Слышу гортанный их крик.
Воздух, пропитанный влажным распадом,
В глубь моих лёгких проник.

«Ночь в середине, проходят парадом...»

Ночь в середине, проходят парадом
Длинные, тёмные сны.
Я просыпаюсь и ровное рядом
Слышу дыханье жены.

Сына могу я рукою коснуться,
Кажется, вправду не сплю.
Счастье, что рядом дано мне проснуться
С теми, кого я люблю.

«Я всё живущее жалею...»

Я всё живущее жалею –
Зачем оно уйти должно?
Зачем всю жизнь, вдали белея,
Маячит тусклое пятно?

Возникшая в пространстве голом

Дыра, прореха, полынья...
Зачем под плотным ореолом
Так жёстки круглые края?

Зачем друг к другу прижимает
Тела – свинцовой страсти ток?
Зачем душа не понимает
Души, как запад и восток?

Край неба светится лилово,
И тихо вздрагивает лист.
И тайный смысл всего живого
Мне в душу проникает, чист.

И всё – и жалость, и сомненье,
И стынущее естество,
Сливаются в одно биенье!
Биенье сердца моего.

«Чем выше, тем круче и круче...»

Чем выше, тем круче и круче.
Как будто возникнув из мглы,
Тяжёлая, влажная туча
Лежит на уступе скалы.

Разрезала воздух, как лопасть,
Блестящего света струя.
И зев распахнувшая пропасть
Ощерилась, гибель тая.

Что явственней – свет или эта
Холодная бездна внизу?
Не знаю, не вижу ответа,
Царапая пальцы, ползу.

Но силы ничьи не могли бы
Разжать оцепление рук.
Горбатые, чёрные глыбы
Стопились, как люди, вокруг.

Август

Кружится тучей мошкара,
Поникли листья тяжело.
Их в полдень зноем обожгло,
И ночью мучает жара.

Неистово горячий день,
Жужжащий, как веретено.
А ночью падает в окно
Звезда, как первая сирень.

И медленно стекает мгла,
И вижу я любой предмет.
И новорожденный рассвет
Глядится в стёкла-зеркала.

«Трава, деревья, камни, скалы...»

Трава, деревья, камни, скалы,
Вода – простые вещества.
Кто виноват? Я знаю мало
О том, чем жизнь моя жива.

Но слышал я травинки каждой
Глухой, торжественный мотив.
И в полдень утолил я жажду,
Лицо в источник опустив.

Так пусть же вдруг порою ранней,
Теряя чувства и слова,
Над родиной моей бескрайней
Взовьюсь, как палая листва.

«Моряк, сжимающий штурвал...»

Моряк, сжимающий штурвал,
Промок в своей одежде.
Седьмой, восьмой, девятый вал –
Конец любой надежде.

Хоть их услышала земля,

Но все молчат угрюмо.
Раздвинув рёбра корабля,
Вода достигла трюма.

Хрипела буря, как труба,
В глазах плясали блёстки...
Удар, короткая борьба,
Оторванные доски.

Дано бродягам под конец
Увидеть дно морское!
Благословен союз сердец
С солёною водою.

Уж лучше так – в короткий срок,
Чем на постели с хрипом.
На кости их зелёный мох,
Как снег зелёный, выпал.

«Вплотную близость подступила...»

Вплотную близость подступила.
Стыдись, ты спрятала лицо.
Но договор уже скрепило
Простое, скромное кольцо.

И душу вытеснило тело,
Как будто чёрная вода.
Свершилось то, чего хотела,
Чего боялась ты всегда.

И от минуты настоящей
Спасенья не было ни в чём.
И тихо шевелился спящий,
К тебе прижавшийся плечом.

Алушта

Здесь так же, как во время оно,
Смешалась сотня языков,
И расположена наклонно
Земля, зажатая с боков.

Горами, чьи синеют плечи,
А там, куда ни кинешь взгляд,
Единый пояс человеческий
И пляжа пыльного шпагат.

Там женщин стройные фигуры,
Мужские сильные тела,
О камни бьющаяся хмуро
Волна морская приняла.

И хочет тонкий, сладковатый
Соблазн любви и красоты
Осесть на белые квадраты
И придорожные цветы.

Но привкус приторный курортный
Мешает, резок и остёр.
И с хрипом от морского порта
Отходит катер на Мисхор.

«Где мостовые свет не точит...»

Где мостовые свет не точит,
С мертвецким отблеском свечи,
Где непроглядна ночь и ночи,
Качнувшись, не сомнут лучи.

Там только отражение блеска
Былого- в совершенстве плит
И мастером забытым фреске,
На камне выложенной, спит.

«Золотые круги на запястьях...»

Золотые круги на запястьях...

Это нужно, пока расплетаются пальцы,
И металл сохраняет смысл.

Это нужно, пока наблюдают глаза,
Что так жаждали всем любоваться.

Это нужно, пока не взлетела душа,
Уничтожив иллюзию “жить”.

«А сон струился сквозь туман...»

А сон струился сквозь туман,
Ползли малиновые тени.
Как будто был единый план
Для всех – животных и растений.

В одно творение сложить
Все виды, все дела, все звуки.
И сладостное слово- жить!
Взойдёт из божеской науки.

Всё то, что смог произвести
Враз, а закат был фиолетов.
И удалось произнести
Все имена для всех предметов.

Мих.Зиву

1

К песку прижатая мимоза,
Домов приземистый кортеж.
Террора вечная угроза,
Жара и плитки, цвета беж.

Кусты топорщатся упрямо,
Как всё, что выживает тут.
И голубая криптограмма
На вывеске – нетленный труд.

2

Вряд ли стоит удивляться,
Друг, когда за шестьдесят,
Что не вызовут стреляться,
А святым провозгласят.

Этот жаркий вечер летний..
Ты ещё не знаешь, друг.
Он – фактически, последний,
Уплывающий из рук.

А когда очнёшься вчуже,
После главного суда,
Никакой летейской стужи –
свет и райская вода.

«Застыли деревья сухие...»

Застыли деревья сухие,
Их тень, как огонь, горяча.
Свирепого солнца стихия
Ломает и рубит плеча.

Здесь скоро загнёшься без фляги
С какой-нибудь мутной водой.
И плавно колышутся флаги

С таинственной синей звездой.

Старинная блажь мозговая
Искать и молиться велит.
И длится судьба роковая,
А сердце болит и болит.

«Хотелось бы верить...»

Хотелось бы верить
– ещё пишу,
Но чувствую –
мне не хватает слов.

Ведь я –
стареющий человек,
Идущий, сгорбившись,
в никуда.

По выжженной
и слепой стране,
Где пальмы растут,
завернувшись в мох.

И полувывсохший
эвкалипт
Бормочет мне –
ничего не жди.

«Мы знаем издавна друг друга...»

Мы знаем издавна друг друга,
Навеки, наповал, вразнос.
Упрямо кружимся по кругу,
Устали от своих угроз.

Стрельба в упор – такое дело,
И вся страна уже тюрьма.
От взрывов небо помертвело,
И сотрясаются дома.

Пока мы их не переколем
До позвоночника, до дна,
Придётся красться чёрным полем,
Где за войной – ещё война.

«Мы ходим по лезвию бритвы...»

Мы ходим по лезвию бритвы,
О глупостях мелких грустим.
Свинцовым асфальтом молитвы
Свой путь в неизвестность мостим.

Так кто ж этот дикий, бездомный,
Мир выручит – техника, Бог?
Иль знания вихрь многотомный,
Взрывающий душу поток?

«Вечер прошёл, ступая грузно и тяжело...»

Вечер прошёл, ступая грузно и тяжело.
Слушаю, как слепая полночь стучит в стекло.
Бьётся листва о ветки, стёршаяся до дыр.
Брежит в оконной сетке хмурый, застывший мир.
Что же ты, день вчерашний, всё не уйдёшь никак?
Кто-то над телебашней красный зажёт маяк.
Резким и воспалённым, виден издалика,
Кажется всем бессонным красный огонь маяка.

Шаг к себе. 1970-1989

Осень

Осень словно ремнем опоясывает,
Ничего не вернуть, не убрать.
Август тени на сердце отбрасывает,
Продолжает сентябрь догорать.

Лишь закат утонул, как безжизненно
В мутной дымке белеет рассвет.
Что ты можешь? Смотреть укоризненно
Уходящему прошлому вслед.

Виновата ли в том, что, как палые,
Листья вяну, что бьет меня дрожь?
Ты сама, бесконечно усталая,
По садовой тропинке идешь.

Поле

Бескрайнее поле, светло и бездомно
и холодно как-то вокруг.
Вот сердце удары рассыпало дробно,
чуть слышный, единственный звук.

Эй кто-нибудь, может быть скажешь,
в каком я краю, и куда я попал?
Но нет никого, только мёрзлые комья,
да облака мутный опал.

А впрочем зачем всё, ведь это же ясно:
я просто забрёл далеко.
Поэтому здесь так светло и безгласно,
безжизненно, немо, легко.

И нет ни единой травинки обычной,
а также – сомнений и мук.
Куда ни посмотришь, повсюду безличный
простор молчаливый вокруг.

Ступени

Не знают пения и стона
ступени каменного дома.
И свет втекает монотонно
в квадрат оконного проёма.

Здесь мысль, лишённая полёта,
орудовала – всё теснится.
И в прорезь чёрного пролёта
не втиснется самоубийца.

И всё же смерть неоднократно
сюда входила в платье строгом,
и этот камень, вероятно,
нам мог бы рассказать о многом.

Но для чего мне чьё-то имя,
чужое выцветшее знанье?
Вспоминаньями своими
наполнено, кренится зданье.

Где спят без пения и стона
рассказ о смерти и рожденье
в глуши цемента и бетона
похоронившие ступени.

Холод

Травы розоватые пряди
и комья, промёрзшие сплошь.
Дорога, как каменный нож, –
вдали, подо мною и сзади.

Столбов у дороги разброд,
и месяц ущербно белеет,
и красный закат тяжелеет,
и за руку холод берёт.

Нежданный ноябрьский мороз,
безлюдное злое величье.
Природа сменила обличье,
и ветер к деревьям прирос.

Всего лишь один огонёк
горит и горит, не мигая.
Земля ли, планета ль другая
летит у меня из – под ног?

«Как на последнем краю...»

Как на последнем краю
голых ветвей паутина.
В тёмную гущу свою
Манит, как блудного сына.

Кажется, всё наконец
стало яснее и проще –
через неё, как слепец,
я пробираюсь наощупь.

Веки туман облепил
плотно крылами своими.
Вот я уже и забыл
всё про себя, даже имя.

«Даль перечёркнута веткой...»

Даль перечёркнута веткой,

птицы плывёт силуэт.
Чувствую каждую клеткой
Медленный, дымчатый свет.

Скоро, застывшая влага,
сгинет твой белый недуг,
как человеческого шага
дробный, рассыпчатый стук.

«Склонили старческие головы...»

Склонили старческие головы
Деревья в лиственном пуху,
И тускло небо цвета олова
Маячит где-то наверху.

Октябрь – начало увядания,
Мерцанье первой седины.
И белые, большие здания
Стоят, как жизнь, обнажены.

Откуда эта ясность строгая,
Сменившая огонь и зной?
Равнина тяжкая, пологая
Висит, как камень, надо мной.

Змеиная кожа

Сорвал я разохшейся кожи
Давно изжитые слои,
И были на струны похожи
Узоры моей чешуи.

А рядом чернела изнанка,
Не зная, что ей скрывать.
И лопался образ, как банка, –
Ему уже мной не бывать.

И что-то глубинное, злое,
Блестящее, словно стекло,
Невидимо делаясь мною,
Вплотную меня облекло.

И словно фонарь у дороги,
Что вьется, длинна и узка,
Мучительной полный тревоги,
Сверкнул холодок тупика.

«В мое лицо глядят провалами...»

В мое лицо глядят провалами
Два черных выбитых окна.
Цветами трафаретно-алыми
Пестрит разбитая стена.

Фольга конфетная, блестящая,
Куски проводки вкривь и вкось.
И чувство жалобно-щемящее
Идет через меня насквозь.

На месте детства только впадина
За этой сломанной стеной.
Все то, что временем украдено,
Сейчас прощается со мной.

«В поколении самом старшем...»

В поколении самом старшем

смерть грохочет, как молоток.
И уходят походным маршем
те на запад, те – на восток.

Полосой растянувшись тонкой,
в чёрной речке находят брод.
Словно старую киноплёнку
прокрутили наоборот.

В год досталинский, довоенный,
где ни имени, ни утрат.
А над площадью всей вселенной –
синих звёзд ледяной парад.

«Цепью воронья процессия тянется...»

Цепью воронья процессия тянется
И оседает на гребне холма.
Вспомнится всякому, кто ни оглянется,
Слово старинное – тьма.

Длинные, узкие, снежные полосы
У искореженных временем хат.
Тихо кусты шевелятся, как волосы,
Там, где кончается скат.

Даже зимой непрерывно растущие,
Корни проходят сквозь землю, как сталь.
Сердце, как тучи на север идущие,
Хочет в холодную даль.

«Кажется, о чем-то говорили...»

Кажется, о чем-то говорили,
Или с веток падали листки?
Голову я поднял: звезды были,
Как всегда, чисты и высоки.

Только что мне это их раздолье?
Я навеки, намертво прирос
К той земле, какую черной солью
Покрывают реки наших слез.

И куда бы ни вела дорога,
Я не брошу дома моего.

Тот, который носит имя Бога,
В сердце тех, кто верует в него.

«Мороза нет, но лед не тает...»

Мороза нет, но лед не тает.
Покрыли трещины кору
Деревьев. Кажется, светает,
Туман редет поутру.

Уходит ночь неслышным шагом
Туда, где мрак еще царит
Над буераком и оврагом.
А здесь уже заря горит.

И снято сонное заклятье
С природы – появлением дня.
И тополя стоят, как братья,
Стволы друг к другу наклоня.

«Свет рассеянный, зыбкий и блеклый...»

Свет рассеянный, зыбкий и блеклый.
Спят деревья, стволы наклоня.
Покрывает испарина стекла
В час рождения нового дня.

Он проходит обычный, рабочий,
По земле, незаметен и тих.
И сжимаясь в преддверии ночи,
Он похож на собратьев своих.

Краткий путь от рассвета к закату,
Вдаль со свистом летят поезда.
И огнем серебристым объята,
Загорелась ночная звезда.

Роща

Роща в осеннем убранстве –
Пышный и грустный наряд.
В сером застывшем пространстве
Ключья тумана парят.

Светится тускло и медно
Плотная леса гряда.
Скоро, растаяв бесследно,
Лето уйдет навсегда.

Листья, шуршащие сухо,
Воздух как будто седой.
Черная ива – старуха,
Сгорбившаяся над водой.

«Пробегают мысли, как собаки...»

Пробегают мысли, как собаки, –
Стаями, а та бредет одна...
В этом сизом, хлюпающем мраке
Светятся, как лица, имена.

И внезапно различает зренье –
След звезды, косая пятерня.
И живет мое стихотворенье
На земле отдельно от меня.

Подбираясь полуощутимо,
Стелет стужа белый гололед.
И стучит судьба неотвратимо
Ставнями все ночи напролет.

«Даль, покрытая туманом...»

Даль, покрытая туманом,
кочки, листья и трава.
Хоть оптическим обманом
Кажешься ты, но жива.

Неоконченный набросок –

Ни движенья, ни души.
Смутных мыслей отголосок
Нахожу в твоей тиши.

И нежданно – нежданно,
Влившись в белизну твою,
Вижу суть, что безымянна,
Спит у сердца на краю.

«Пытаясь скрыться от дождя...»

Пытаясь скрыться от дождя,
Друг к другу листья прилипают.
А капли хлещут, наступают,
Как грабли, землю бороздя.

Они текут, ползут, летят,
И я уже смотрю сквозь воду
На эту мутную природу,
На этот беспросветный ад.

Кто день от ночи отличит
На клейкой и размытой суше?
И все сильнее, резче, глуше,
Как ливень, в сердце кровь стучит.

«Прорасти – непростое слово...»

Прорасти – непростое слово,
это корни пустить в гранит.
Песня вольного птицелова
и в железном мешке звенит.

Как барак из нетесаных бревен,
оцепленье бесформенных туч.
Перед веком ни в чем не виновен
золотящийся солнечный луч.

Даже если он сделал прекрасным
совершенно бессмысленный хлам.
И в своем ослеплении страстном
разорвалась душа пополам.

«Тумана матовая просинь...»

Тумана матовая просинь
Лежит у поля на груди.
По черствым комьям в эту осень
Не били долгие дожди.

Она до старости бездетна,
Всю жизнь чего-то прождала.
Сухая горечь незаметно
На облик осени легла.

Нет, с плеч суму уже не сбросит,
Ведь юность не возьмешь взаимы.
Лишь ветер до нее доносит
Дыханье тяжкое зимы.

«Сдавило землю костяком...»

Сдавило землю костяком,
Она промёрзла до середины.
И веток сморщенным венком
Обезображены седины.

Кусты, кусты, кусты, кусты
И сучья, острые как гвозди.
И нависают с высоты
Ворон чернеющие гроздьа.

На стеклах ледяная пыль
Как голубая поволока.
И выпучил автомобиль
Свое серебряное око.

«Хочу я быть травой зеленой...»

Хочу я быть травой зеленой,
Растущей из самой земли.
Упрямо, слепо, иступленно,
Хоть тысячи по мне прошли.

Ни вечных тем, ни острых граней,

Ни истин, отроду пустых.
Хочу я не иметь желаний,
А быть простым среди простых.

Пусть человек свою кривую
Дорогу назовет судьбой.
Я полновесно существую,
Не видя бездны под собой.

«Как, ночь, ты быстро пролетела!..»

Как, ночь, ты быстро пролетела!
Я утренний встречаю мрак
Лицом к лицу. Дрожит все тело,
Рука сжимается в кулак.

На стенах – скрещенные тени.
Как тускло фонари горят,
Как неразборчиво сплетенье
Деревьев, выстроенных в ряд.

Включился мозга передатчик,
Неважно греет пальтецо,
И думает ноябрь – захватчик
Замкнуть промозглое кольцо.

«Случается по – всякому, друзья...»

Случается по – всякому, друзья,
допустим, я ушёл от забытья:
мой труд висит в картинной галерее,
солидно и торжественно старея.

Отбросив тень на лаковый паркет,
скользит глазами по нему эстет,
и равнодушно замечает кто – то:
что говорить – прекрасная работа.

А может быть, хоть был я нужен всем,
мой современник оставался нем.
И мне дышать свободно не давали,
но не был я шутом на карнавале.

И только после моего конца
сказал я всё от первого лица.

А может был забыт я потому,
что я не стал известен никому.
Хоть ощущал я некую бескрайность,
но не дала раскрыться мне случайность.

И мой полёт – высокая игра !
добычей стал помойного ведра.

Тот был известен, этот был забыт,
кто их рассудит, их объединит?
Кто сможет сердце оценить живое,
предотвратить явление роковое,

и чей дойдёт до нашей сути клик:
не родился, а всё – таки велик !

«Свершилось вдруг какое-то движенье...»

Свершилось вдруг какое-то движенье,
какой-то крен, не более того.
И я в себе увидел отраженье
истории народа моего.

Его тягучей, безысходной песнью
за сотни лет, за долгие века,
как оказалось, был наполнен весь я,
хоть я не знал родного языка.

Но я был тем, кого оклеветали
за изначальный, невозможный грех.
И если ткань истории латали,
я был заплатой для её прорех.

Я – Герша внук и правнук Мордехая,
крупица их потухшего огня.
И песнь тоски, тягучая, глухая,
на волю, в жизнь струится сквозь меня.

Иванушка

Было жарко, не зная откуда напиться,
На земле я увидел следы,
И из круглого козьего выпил копытца
Перемешанной с ядом воды.

И внезапно упало с меня все людское,
Все, что было мной годы подряд.
И мне стало понятно наречье такое,
На котором вокруг говорят.

И услышал я крик осторожной синицы,
Бормотание древних стволов.
И вошла в мое сердце, ломая границы,
Радость жизни, лишенная слов.

Мой таинственный лес, мое черное поле,
Я на вас не смотрю, как слепой.
Про высокий восторг человеческой доли
Ты, Аленушка, песню не пой.

Откровение

Бессоницу прокляв, не давшую мне отдохнуть,
не зная что делать,
с постели я ночью поднялся.

Читать не хотелось,
по комнатам долго слонялся,
вздыхая о том,
что теперь уже сна не вернуть.

Нарочно, случайно ли
взял со стола карандаш
и стал рисовать
просто так – на обложке журнала.

Вернее сказать,
это только рука рисовала,
сама, без приказа, меня вираж на вираж.

И что-то внезапно меня подтолкнуло –
смотри !
Я вздрогнул от страха,
хоть не был ещё суеверен:

то был твой портрет,
до последней подробности верен,
настолько, что словно светился тобой
изнутри.

Откуда-то как бы не я рисовал,
он возник.
Ожив на бумаге,
ты вдруг появилась без зова.

И странного много,
и много там было такого,
к чему до сих пор я
ещё до конца не привык.

Тяжёлой усмешки
не видел такой на губах,
красиво, но как-то иначе
очерчены щёки.

И волосы те же,
в знакомом спускаясь потоке,

не так, по-другому,
зловеще лежат на плечах.

Чрезмерно надменен
бровей показался разлёт,
и тень сладострастия
тайно его дополняла.

Я понял: всё то,
что в себе от меня ты скрывала,
теперь в обнажённой,
больной простоте предстаёт.

Без сна над портретом
всю ночь я тогда просидел,
и ужас меня до сих пор
не оставил минувший.

Не дьявол ли это,
как молния, в мозг проскользнувший,
так выстроил всё,
чтоб я душу твою подсмотрел?

Пропась

Зачем так хрипло, пропась,
ты под ногой поёшь
и ничего назад не отдаёшь?

Остры твои уступы, ведущие в ничто,
вокруг тебя покатоe плато.

И лампочки мигают, сто тысяч огоньков,
покрытых тёмной копотью веков.

Мной выстрелила в пропась
моей судьбы праща,
и я лечу под парусом плаща.

И по лицу мне воздух
бьёт и свистит в ушах,
как птица в приозёрных камышах.

Я шевелю губами, как будто заводной,
но не родится песни ни одной.

Мираж какой угодно,
самый ничтожный – пусть,
и мёртвой хваткой я в него вцеплюсь.

Чтобы сплошным потоком лилась в меня
листва,
от страха не болела голова.

И у лица ладони я чувствовал твои,
услышал вновь, как стонут соловьи.

Но за спиной надулся
плащ чёрным пузырьём,
и стала ночь моим поводырём.

И пустоты касаясь, дрожит моя рука,
морщинистая, как у старика.

И где-то в отдаленье мелькает тень лица,
и нет паденью моему конца.

«Так, словно доживаешь сотый...»

Так, словно доживаешь сотый
Век на земле, тебе знаком
Железный пульс ее работы
И каждый куст, и каждый дом.

Как странник с нищенской клюкою,
Полсвета обошел, скорбя.
Тебе известно, что такое –
Ни в чем не обрести себя.

Лишь не встречал другого края,
Где был бы воздух тяжелей,
Чем сладковатая, сырая
Промозглость родины твоей.

Ты ею вдоволь надышался –
По хрип ночной и тошноту.
Теперь от родины остался
На память – горький вкус во рту.

Ты для нее не существуешь,
Мгновенно промелькнувший блик.
Но ты ведь больше не тоскуешь,
К ночной бессоннице впритык.

Монах

От блеска роскоши языческой
Глухим отгородился мраком.
Восторг души его стоической
Не оценить мирским собакам.

Все суета: и грязь словесная,
И похоть мелочных желаний.
Он выковал броню железную
От искушений и страданий.

И век весь плоть сластолюбивая
Терпела боль в холщовой рясе,
Томясь, голодная, блудливая,
Хоть об одном распутном часе.

«Качались люстры, хрусталем бренча...»

Качались люстры, хрусталем бренча,
И в зале голубом собаки грызли кости.
Хозяин этих мест на лезвии меча
Держал всю ненависть угрюмой «черной кости».

Хватались гости за бока
От шуток остроумных, а покуда
Им было весело, носили слуги блюда,
И люстра яркий свет бросала с потолка.

И среди пьяных он бесстрастен был, как Будда,
Лишь крепко под столом сжимал эфес клинка.
Пока дурак смешил другого дурака,
Пока его жена была с другим, пока
Сам ждал измены отовсюду.

«Вернулись средние века...»

Вернулись средние века,
вернулось время эпидемий.
И снова черная рука
Секиру занесла над всеми.

Секира, ты блестяшь, остра,
Тебя затачивали боги.
И безнадежная пора
Застыла молча на пороге.

Природа борется со мной,
Меня болезнями пытает.
А я – я выкормыш земной,
Как всё, что в мире обитает.

Какой-то маленький штришок
Однажды выжить не позволит.
И бред про черный порошок
Мой раскаленный мозг расколлет.

Судьба

Как женщина с усталыми глазами,
Стоит она, одна среди дорог,
Со старыми песочными часами,
Откуда в дыры вытек весь песок.

Столетний шаль уже не греет плечи.
Стоит она и ждет на полпути
Какой-нибудь, хотя б минутной встречи:
Ей просто больше некуда идти.

Как нищенка, протягивает руку,
Хотя вовек не нужно денег ей.
Пусть знает все, вдохнув позор и муку,
На миг, на вздох приблизившийся к ней.

«Расплескались по ветру знамена кровавых боев...»

Расплескались по ветру знамена кровавых боев.
Улетело вперед щебетанье веселого горна.
Эта песня окрашенных кровью ручьев
В чистой злобе, как гордая чернь, непокорна.

Листья дрожью окутаны, в радужном пухе стволы.
Знать бы, что за болезнь подкосила могучее древо.
Камни падают с неба, всей тяжестью давят валы –
Не укрыться в тени от далекого злого напева.

Это век бесноватый, горланя на сто голосов,
Навалившись, расплющит изыск благородных беседок.
Захлебнуться бы рокотом каменных мощных басов,
Черной крови почувствовав яростный ток напоследок.

«Не потащат под топор...»

Не потащат под топор
Тех, кого окликнешь гневно.
Взгляд пронзительный в упор –
Не царица ты, царевна.

Кто припал к твоей руке,

Нынче воронова пища.
Глянь, в туманном далеке
Мертвецы – за тыщей тыща.

Выжег им глаза палач,
Кости раздробил дубиной.
Только твой сиротский плач
Не услышал ни единый.

За грехи ответ держи,
С тьмой должна соединиться
Эта жадная душа –
Не царевна, а царица.

Диоген

На вечность едва ли рассчитывал,
А значит, не видел нужды
Свой дом, свою бочку разбитую,
Беречь от любви и вражды.

Дождинок тяжелые фракции
Ронял иногда небосклон.
Он светом бесстрастной абстракции
От холода был защищен.

Пусть рушится твердь поднебесная,
Всю землю пусть морем зальет,
Коль с разумом вместе воскресну я,
Когда мое тело умрет.

Раб

Кричат подвыпившие шлюхи,
разносится кабацкий смрад.
И как назойливые мухи,
«Подайте», – нищие хрипят.

Закат в багровом ореоле,
и жёлчь по небу разлилась.
Всё пожелтело: роща, поле,
деревья, люди, камни, грязь.

Вот день, покрытый чёрной гарью,
уходит под сивушный бред.
И вечер сладковатой хмарью
окутал всё вокруг – весь свет.

Почти не дышит раб распятый,
от бесконечных мук устав.
Как ангел вечности крылатой,
висит он, руки распластав.

И видит гордая элита
и перепившаяся голь:
из тела, что к столбу прибито,
по капле вытекает боль.

И языки сплетает пламень
над факелами. Чернь свистит,
и в мёртвое лицо летит
и глухо ударяет камень.

Старинные портреты

В том зале, где тени скользят над паркетом,
блуждает мой взгляд по старинным портретам.

Слой лака покрыл, незаметен и тонок,
надменные лица панов и панёнок.

И я созерцаю спесивые позы
и скрытые в тонкой насмешке угрозы.

Луч вынырнул, как бы случайно, из мрака.
Охотничья нюхает воздух собака.

Узор на камзоле, колье и мониста
сверкают светло, равнодушно и чисто.

Нет, здесь ни один не слышал, безусловно,
о сумрачной страсти и пытке духовной.

И вздрогнул я в страхе, почти суеверном:
так много знакомого в жесте манерном.

И я с удивленьем следил молчаливым
за этим лицом, притягательно-лживым.

А жадные губы, казалось, готовы.
шепнуть мне одно ядовитое слово

Игрок

Он просидел всю жизнь за карточным столом,
где и сейчас сидит, и даже по одежде
заметно – он игрок, сегодня, как и прежде,
забывший о себе, идущий напролом.

Здесь много сотен раз он искушал судьбу,
когда лицом к лицу встречался с мрачным роком.
Но опускаясь вниз, в падении глубоком
и потерявши всё, не прекратил борьбу.

Когда, как на костре, сжигал его азарт,
охваченный больно́й, нечистоплотной страстью,
он всё-таки бывал гораздо ближе к счастью,
чем те, кто никогда не брали в руки карт.

Александр

Бессильны лучники, они обречены –
загородимся мы щитами.
Вот наши грузные, как крепости, слоны
заколыхались над плотами.

Разъята Персия, лишь Индия вдали
глаза сощурила лениво.
Изыди заживо, восстань из-под земли,
всё так же улыбнётся криво.

Темна ты, Индия, таинственна, смугла,
нашла оружие иное:
от тела моего останется зола,
и сердце растворится в зное.

И руки чьи-нибудь тебя замкнут в свой круг,
откуда даже Ганга водам
вовек не вырваться. Лишь изредка, лишь вдруг,
меня припомнишь мимоходом.

Самоубийца

В гостиничном, заплесневевшем смраде
как будто задремал у кресла на полу,
лишь модный чемодан поблёскивал в углу,
да шевелил сквозняк страницами тетради.

Кто может знать, куда девается душа,
и где ушедший дух пристанище находит,
когда он здесь лежит, плашмя и не дыша,
пока сюда людей привратник не приводит?

Быть может, это жизнь колеблет бахрому
у скатерти, дрожит на смятом одеяле,
что складкою любой принадлежит ему,
пока его вещей ещё не разбирали?

Хотя могла б уйти сквозь запертую дверь,
но ждёт, пока от губ приказа не услышит.
Кто может знать о том, что именно теперь

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.